

ГЛАВА 1

Разрушенный мир

I

Дилайла Бард — воровка, с недавних пор волшебница, а в будущем, хотелось бы верить, пират — бежала со всех ног по улицам Красного Лондона.

«Держись, Келл», — повторяла она про себя, сжимая в руках осколок камня, который прежде был щекой Астрид Дан. Талисман из другой жизни, когда магия и концепция множественности миров еще были для нее в диковинку. Когда она с удивлением узнала, что людей можно подчинять своей воле, связывать, словно веревками, или обращать в камень.

Вдалеке грохотали фейерверки, им отвечали взрывы смеха, рукоплескания, музыка — город праздновал завершение Эссен Таш, турнира волшебников. Город не ведал, что за ужасы творятся прямо сейчас в самом его сердце. А там, во дворце, умирал Рай, принц Арнса, и это значило, что где-то в другом мире умирает Келл.

Келл. Это имя грохотало у нее в душе, звучало как приказ, как мольба.

Лайла добежала до нужной улицы и остановилась, достала нож, провела лезвием по руке. Повернулась спиной к царившему вокруг хаосу и прижала к стене окровавленную ладонь с зажатым в ней камнем.

Лайла уже совершала такое путешествие дважды, но оба раза пассажиром.

Ей всегда помогала магия Келла.

Никогда еще она не переходила из мира в мир в одиночку.

Но раздумывать было некогда. Бояться — тоже. А уж ждать — тем более.

Грудь вздымалась, сердце колотилось как бешеное. Лайла собралась с духом и произнесла нужные слова. Слова, на которые способен только тот, кто владеет магией крови. Антари. Такой, как Холланд. Как Келл.

— *Ас траварс.*

Магия запела в руке, пронизала грудь, и город нырнул в пустоту. Мир согнулся пополам, скрученный гравитацией.

Лайле казалось, это будет легко.

Либо ты останешься в живых, либо нет.

Но она ошибалась.

II

А в целом мире от нее тонул Холланд.

Он барахтался, пытаясь вынырнуть на поверхность собственного разума, но чья-то воля, креп-

Глава 1. Разрушенный мир

кая, как железо, затягивала его обратно. Он отбивался, хватал воздух ртом, но с каждым рывком, с каждой попыткой чужая воля впивалась в него все крепче. Это было хуже смертных мук, потому что за ними наступает смерть, а здесь пощады не было.

И света не было. И воздуха. И силы. Все это у него отобрали, оставив лишь тьму, и сквозь эту тьму чей-то голос звал его по имени.

Голос Келла.

Слишком далекий.

Силы оставили Холланда, и он снова начал то-нуть.

Он всегда мечтал лишь об одном — вернуть своему миру магию. Увидеть, как его родина воскресает после медленной, неотвратимой смерти — смерти, порожденной сначала страхом иного Лондона, потом — страхом его собственного.

Все, чего хотел Холланд — увидеть возрождение своего мира.

Его возвращение к жизни.

Он слышал легенды о волшебнике, у которого хватит на это сил. Который сумеет наполнить воздухом изголодавшиеся легкие мира, снова запустить его умирающее сердце.

Холланд всегда, сколько себя помнил, мечтал только об этом.

И сколько себя помнил, мечтал стать этим волшебником.

Мечтал, прежде чем темнота наполнила его глаз, поставив на нем свою метку силы. В детстве

он стоял на берегах Сиджлта, катал камни по гладкому льду и представлял себе, как пробьет в ледяном панцире трещину. Уже взрослым стоял в Серебряном лесу и молился о великой силе, чтобы защитить свой дом.

Он никогда не стремился к власти, хотя в сказках волшебник всегда был королем. Но он не хотел править миром. Хотел лишь его спасти.

В ту первую ночь, когда Холланда, полуживого и окровавленного, притащили в королевские покои, Атос Дан назвал это высокомерием. *Заносчивость и гордость*, попрекнул он и впечатал свое проклятие в тело Холланда.

«Мы это ломаем», — сказал Атос.

И ломал. День за днем, кость за костью, снова и снова. До тех пор, пока Холланд не оставил мечты о спасении мира. Он уже не стремился обрести силу и возродить магию, он хотел только одного — чтобы пытка прекратилась.

Да, он понимал, это была трусость, но трусость дается гораздо легче, чем надежда.

И в тот миг, у моста, когда Холланд прекратил борьбу и позволил этому царственному юнцу Келлу вонзить ему в грудь железный штырь, первое, что он почувствовал, — первое, последнее и единственное, — было облегчение.

Оттого, что пытка наконец закончилась.

Но не тут-то было.

Убить антари — дело непростое.

Очнулся Холланд в мертвом саду, в мертвом городе, в мертвом мире, и первое, что он ощутил, бы-

ла боль. А потом — свобода. Хватка Атоса Дана разжалась, и Холланд был жив — изранен, но жив.

И связан по рукам и ногам.

Бессильный, в мире без дверей, оставленный на милость чужого короля. Но на этот раз у него был выбор.

Шанс изменить судьбу.

Полумертвый, он стоял перед ониксовым тронном и говорил с королем, высеченным из камня, и отдал свою свободу в обмен на шанс спасти свой Лондон, увидеть его снова цветущим и процветающим. Холланд заплатил за это своей душой и телом. И, обретя силу короля теней, сумел-таки вернуть магию. Увидел, как его мир обретает краски, как в людях оживает надежда, как расцветает город.

Ради этого он сделал все, что мог, отдал все, что имел.

Но этого оказалось мало.

Король теней все время хотел больше. С каждым днем он делался сильнее и сеял хаос. Он был магией в чистом виде, силой, не привыкшей повиноваться.

Холланд терял власть над чудовищем, сидящим в его теле.

И поэтому сделал единственное, что было в его силах.

Предложил Осарону другой сосуд.

«Хорошо... — ответил король, демон, бог. — Но если ты не сможешь его уговорить, я оставляю себе твое тело».

И Холланд согласился. А что ему оставалось?

Для своего Лондона он был готов на все.

А Келл, упрямец Келл, капризный мальчишка, сломанный, обессиленный, измученный этим проклятым ошейником — так и не согласился.

Да и кто согласился бы?

Король теней тогда улыбнулся губами Холланда. Холланд боролся, собрав все силы, но уговор есть уговор, дело решенное. Одним жестоким движением Осарон расправил плечи, и его могучая воля скинула несчастного мага вниз, в темные глубины разума Холланда.

Беспомощный пленник в собственном теле, связанный уговором по рукам и ногам, он не мог ничего сделать, только смотрел, чувствовал и тонул.

— Холланд!

Голос Келла дрогнул. Его израненное тело дергалось, распятое на раме. Точно так же когда-то висел сам Холланд, когда его терзал и ломал Атос Дан. Клетка вытянула из Келла почти всю силу, остальное поглотил ошейник. В глазах Келла стояли ужас и отчаяние.

— Холланд, сукин ты сын, сопротивляйся же!

Тот и хотел бы, но тело его не слушалось, а усталый разум погружался все глубже и глубже, тонул, тонул...

«Сдавайся», — сказал король теней.

— Докажи, что ты не слабак! — подстегивал голос Келла. — Докажи, что ты не раб чужой воли!

«Тебе меня не одолеть».

— Ты прошел весь этот долгий путь, чтобы вот так проиграть?

«Я уже победил».

— Холланд!

Холланд ненавидел Келла. И в этот миг сила его ненависти была такова, что едва не выдернула его из пучины. Однако Осарон оставался непоколебим.

Холланд слышал собственный голос и знал, что это говорит не он. А монстр, надевший его шкуру. В руке Холланда была зажата алая монетка — ключ к другому Лондону, городу Келла, а сам Келл кричал и бился, вырываясь из пут, пока на запястьях не выступила кровь.

Бесполезно.

Все бесполезно.

Он снова оказался узником в собственном теле.

Из темноты доносился голос Келла:

— Ты просто променял одного хозяина на другого.

Наконец они сдвинулись с места — тело Холланда, направляемое Осароном. Дверь за ними закрылась, но крики Келла, невнятные и приглушенные, проникали даже сквозь нее.

В зале стояла Ожка, точила ножи. Она подняла голову: шрам-полумесяц на щеке, разноцветные глаза, один — желтый, другой — черный. Антари, сотворенная их собственными руками, по их милости.

— Ваше величество, — произнесла она.

Холланд попытался вынырнуть, хотел, чтобы в ответ раздался его голос, но прозвучавшие слова принадлежали Осарону.

— Стереги дверь. Никого не впускай.

По алым губам Ожки пробежала улыбка.

— Как пожелаете.

Дворцовый коридор промелькнул, как в тумане. Они очутились во дворе, миновали статуи близнецов Данов у подножия лестницы, стремительно пересекли сад, где под багровым небом вместо каменных тел теперь росли деревья.

Что стало бы с этим садом без него и без Осарона? Процветал бы город и дальше? Или рассыпался бы, лишенный жизни?

«Прошу тебя, — неслышно взмолился он. — Этот мир нуждается во мне».

«Нет смысла, — вслух произнес Осарон, и Холланд вздрогнул: до чего же мучительно быть не словом, а всего лишь мыслью в голове. — Мы начнем заново. Найдем мир, достойный нашей силы».

Они подошли к стене, и Осарон достал из ножен кинжал. Холланд не ощутил прикосновения стали, он был словно отрезан от собственных чувств, похоронен слишком глубоко, куда не доходило ничего, кроме жестокой хватки Осарона. Но когда пальцы короля теней окунулись в кровь и поднесли к стене монетку Келла, Холланд в последний раз оказал сопротивление.

Он не мог отвоевать свое тело, не мог получить его целиком, но, может быть, хватит и меньшего?

Одной руки. Пяти пальцев.

Он напряг все силы, всю волю, и на полпути к стене рука задрожала, замерла в воздухе.

По запястью струилась кровь. Холланд знал слова, которые разобьют тело вдребезги, превратят его в лед, в пепел, в камень.

Нужно только поднести руку к груди.

Придать магии форму.

Холланд почувствовал, что Осарон сердится. Сердится, раздражен, но вовсе не злится, как будто этот протест, в который Холланд вложил все силы, беспокоит темного короля не больше, чем укус комара.

«Ты меня утомил».

Холланд боролся, сумел даже приблизить руку к груди на дюйм, на два.

«Отпусти», — предупредило существо, поселившееся в голове.

Холланд напруг последние силы и приблизил руку еще на дюйм.

Осарон вздохнул.

«Так дело не пойдет».

Могучая воля Осарона ударила его, как стена. Тело не шелохнулось, но разум рухнул навзничь, придавленный сокрушительной болью. Нет, не той болью, которую он терпел сотни раз и привык не замечать, не той, от которой можно сбежать. Эта боль пронзила его насквозь. Вспыхнула в самой глубине, обожгла каждый нерв невыносимым огнем, и он кричал, кричал, кричал внутри собственной головы, пока наконец над ним не сомкнулась милосердная тьма, утягивая все глубже и глубже.

И Холланд больше не сопротивлялся.

Он сдался и утонул.

III

Когда дверь захлопнулась и задвинулся засов, Келл еще долго бился о железную клетку. Эхо его голоса до сих пор звенело между каменных стен. Он кричал, пока не сорвал голос. Но никто не пришел. В его душе метался страх, но куда больше его пугала разверзшаяся пустота в груди — оттуда исчезло что-то очень важное, порвалась жизненная связь.

Он едва ощущал пульс брата.

Он вообще почти ничего не чувствовал, только боль в руках и жуткий леденящий холод. Он извивался, рвался из пут, но они держали крепко. По сторонам железной рамы были впечатаны заклятия, и, сколько бы крови Келл ни пролил на эту сталь, шею все равно стискивал железный ошейник. Отсекал все, что было ему нужно. Все, что он имел. Все, кем он был. Ошейник погружал его разум во мрак, сковывал мысли ледяным панцирем. Отнимал надежду и силу. «Сдайся, — шептала магия ошейника, проникшая в кровь. — Ничего у тебя нет. Ты никто. И ничто. Ты бессилён».

Он никогда не был бессилён.

Не знал, что это такое.

Вместо магии вспыхнула паника.

Надо выбирать.

Из этой клетки.

Из этого ошейника.

Из этого мира.

Чтобы вернуть Келла домой, Рай вырезал слово на собственной коже. А он, Келл, повернулся и снова ушел. Бросил принца, королевскую семью, город. Пошел за женщиной в белом сквозь дверь между мирами, потому что она сказала ему: ты нужен. Ты можешь помочь. Это твоя вина. Ты должен все исправить.

Сердце в груди пропустило удар.

Нет, не его сердце — а брата. Жизнь Рая была привязана к его собственной магическими узлами — а магия исчезла. Снова вспыхнула паника. Сквозь ледяной холод донеслось дыхание огня. Келл вцепился в него, борясь с мертвенным ужасом ошейника. Выпрямился на раме, стиснул кулаки и потянул за наручники так, что хрустнули кости, разорвалась плоть. На каменный пол заструилась кровь, живая, но бесполезная. Он еле сдержал крик. Металл впился в кожу, в мускулы, царапнул по костям. Но он все тянул и тянул. И наконец правая рука высвободилась.

Келл шумно выдохнул и попытался сомкнуть мокрые от крови пальцы на ошейнике, но, едва прикоснулся к металлу, как по руке ледяными иголками взбежала боль. Закружилась голова.

— *Ас стено!* — взмолился он. «Разбейся».

Но нет.

Сила не откликнулась.

Келл всхлипнул, обмяк. Стены наклонились, сложились в туннель, разум медленно устремился навстречу тьме. Но он силой заставил себя выпрямиться, сглотнул подступившую к горлу желчь.

Обхватил ободранной, истерзанной рукой другую, скованную, и потянул.

Прошли минуты, но они показались часами и годами. И наконец Келл освободился.

Он оттолкнулся от рамы, шагнул вперед и пошатнулся. Железные наручники глубоко, слишком глубоко изрезали запястья, и бледные камни под ногами стали скользкими от крови.

— Это все твоя? — послышался шепот.

Перед глазами вспыхнуло воспоминание: при виде израненных рук Келла юное лицо Рая искажилось от ужаса, по груди принца струилась кровь. «Это все твоя?»

Теперь красная кровь капала с ошейника. Келл лихорадочно дергал за металл. Пальцы ныли от холода. Он нашел застежку и вцепился в нее, но она не поддавалась. Перед глазами все поплыло. Он поскользнулся в собственной крови и упал прямо на изломанные руки. Вскрикнул от боли — и закричал уже на собственное сжавшееся в беспомощный комок тело, заставляя его подняться.

Надо встать.

Надо вернуться в Красный Лондон.

Надо остановить Холланда — и Осарона.

Надо спасти Рая.

Надо, надо, надо — но в этот миг хватало сил лишь лежать на холодном мраморе и чувствовать, как вокруг тонкой красной лужей разливается теплота.

IV

Обливаясь потом, принц рухнул обратно на кровать. Во рту застыл металлический привкус крови. Вокруг звучали голоса, комната терялась в тенях и бликах света. В голове рвался крик, но челюсти были стиснуты от боли. Его собственной — и чужой боли.

Боли Келла.

Рай согнулся пополам, харкая кровью и желчью.

Попытался встать — надо подняться, надо найти брата, — но из темноты протянулись руки, схватили его, прижали к шелковым простыням, пальцы впились в плечи, в колени, в руки, и боль снова вернулась, злая и рвущая, обдирала плоть, царапала по костям. Рай мучительно пытался вспомнить. Келл арестован. Его камера пуста. Поиски в пестром от солнца саду. Он зовет брата. Потом, откуда ни возьмись, боль, она кинжалом вонзилась между ребрами, как в ту ночь, страшная, жестокая. Он не может дышать.

Не может..

— Не уходи, — слышится чей-то голос.

— Останься со мной.

— Останься...

* * *

Рай рано узнал разницу между «хочу» и «надо».

Он — сын и единственный наследник семейства Мареш, светоч Арнса, будущий король империи, а это значит, что он никогда (как однажды открыла ему нянька, после чего ее уволили с королевской

службы) и ни в чем не знал истинной нужды. Костюмы, лошади, музыкальные инструменты, украшения — стоило только попросить, и все доставалось ему без малейших усилий.

И тем не менее юный принц всей душой хотел того, чего ему не могли подарить. Того, что само по себе струилось в крови множества простых мальчишек и девчонок. Того, чем без труда повелевали его отец, и мать, и Келл.

Рай хотел магии.

И это желание пылало сильнее любой нужды.

Его отец, король, был магом, работавшим с металлами, а мать управляла водой, но магия — это не черные волосы, не карие глаза и не высокое происхождение. Она не переходит по наследству, не передается от родителей к детям. У нее собственный путь.

И лет в девять он стал понимать, что природа обделила его.

Но Рай Мареш не хотел признавать, что магия обошла его стороной. Ему казалось, она прячется где-то, затаилась внутри, и нужно только раздуть этот крохотный огонек, разворошить золу над углями. Он же как-никак принц! И если магия не желает к нему идти, он сам придет к ней.

Эта логика и привела его сюда, на каменный пол старой библиотеки святилища, где холодный сквозняк забирался в шелковые штанины вышитых шаровар, пригодных лишь для двorca.

Когда Рай жаловался, что в святилище холодно, старый Тирен лишь хмурил брови.